

М. А. БАРГ

РИЧАРД III — СЦЕНИЧЕСКИЙ * И ИСТОРИЧЕСКИЙ (Шекспир и история Англии)

С 1590 по 1614 г. Шекспиром были созданы десять исторических драм, охватывающих три столетия богатой событиями истории Англии¹. В условиях, когда не только произведения великого драматурга, но, нередко, отдельные строки из них вызывали к жизни большую литературу — комментаторов, критиков и театроведов,— не может не броситься в глаза странное на первый взгляд явление: исторические хроники не стали до сих пор объектом историографической критики. Цель такой критики заключается вовсе не в том, чтобы выяснить, насколько близко Шекспир следует за своим источником (в данном случае — хроникой Холиншеда), хотя и такое исследование не лишено интереса, а в том, чтобы на материале драм Шекспира обрисовать его историческую концепцию, а также характерные черты исторического мышления Возрождения в целом и английского Возрождения — в особенности.

С этой целью выраженное в них с огромной силой общественное сознание елизаветинской эпохи должно быть проанализировано в двух планах. С одной стороны, ссылаясь с требованиями современной ему политической ситуации и распространенными среди зрителей его драм убеждениями и представлениями, Шекспир должен был преподносить им уроки политической мудрости, которые наиболее отвечали бы запросам и настроениям времени; с другой стороны, в тех же драмах наряду с уровнем массового сознания тюдоровской эпохи отразились и элементы индивидуального сознания самого Шекспира, или точнее — того узкого интеллектуального круга, который творил ренессансную культуру как в Англии, так и за ее пределами. Если первое из упомянутых направлений анализа приводит к ответу на вопросы: почему так велик был интерес у современников Шекспира к истории вообще и своей страны — в особенностях, то второе ведет к ответу на иные вопросы: в какой мере ренессансное мышление являлось сознанием историческим, какова взаимосвязь между историографией и политическими идеями Возрождения, равно как и между историографией и общим мировоззрением эпохи?

К чести шекспироведения следует подчеркнуть, что все эти и многие другие вопросы историографической критики были поставлены (или хотя бы намечены) уже давно².

* Сценический — в смысле версии «истории», разыгрываемой на сцене.

¹ «Король Генрих VI» (части I—III) — 1590—1592; «Король Ричард III» — 1593; «Король Иоанн» — 1593; «Король Ричард II» — 1595; «Король Генрих IV» — (части I—II) — 1597 — 1598; «Король Генрих V» — 1599; «Король Генрих VIII» — 1612—1613.

² Библиографию работ, посвященных историческим драмам Шекспира с 1900—1951 гг. см. Н. Желкин. Shakespeare's History Plays.— «Shakespeare's Survey», v. VI. London, 1953, p. 1—15. О проблеме историзма в марксистском шекспироведении см. А. Т. Парфенов. Марло. М., 1958; А. А. Анисест. Творчество Шекспира. М., 1963; Р. М. Самарин. Реализм Шекспира. М., 1964; А. Шведов. Исторические хроники Шекспира. М., 1964; М. В. Урюпов, Д. М. Урюпов. Шекспир, его герой и его время. М., 1964; М. Е. Пинский. Шекспир. Основные начала драматургии. М., 1971.

То обстоятельство, что гений Шекспира раньше всего заявил о себе не в высокой трагедии или комедии, а в жанре исторической драмы, не могло, разумеется, не обратить на себя внимание шекспироведов. Однако средствами традиционной истории литературы, равно как и средствами абстрактно-философского анализа, перечисленные выше вопросы не могут быть решены. Поскольку в первом случае к хроникам подходят с созданным самим Шекспиром художественным эталоном ренессансной драмы, то очевидно, что при таком анализе для историка теряется нечто очень важное, специфическое, представляющее особую познавательную ценность хроник, а именно — историческая суть вещей, одним словом, теряется все, что относится к проблеме: Шекспир и История.

Итак, исторические драмы Шекспира как уникальный источник, донесший к нам через столетия живое, пульсирующее историческое движение и видение Ренессанса как неповторимое зеркало общественного сознания елизаветинской эпохи, — таковы контуры того «нового континента», который открылся историографии наших дней. Это значит, что на первый план науки в данной области выдвинулась задача исторической критики хроник и в более широком плане — установления основных черт исторической концепции Шекспира. Три аспекта этой проблемы представляются особенно актуальными. Это прежде всего — Шекспир и современное ему социально-политическое мышление, затем хроники Шекспира и современная им историография и, наконец, соотношение между исторической легендой как исходным материалом и ее интерпретацией в его творчестве. Попытка осветить одну из сторон этой последней проблемы и представляет главную цель данного этюда.

ЧТО ЗНАЕТ КАЖДЫЙ...

Среди вещей, о которых человечеству следовало бы знать возможно больше и точнее, важное место занимает знание им своего собственного прошлого. История! Как много мы хотели бы от нее узнать и, увы, как мало временами она нам сообщает. Бичом являются не только провалы в «исторической памяти» народов, но и искусно включенные в нее сознательные и неосознанные мистификации и легенды, предназначенные для того, чтобы занять место исторической истины. Эта мозаика из фрагментов подлинной истории и искусного вымысла, фиксация преданий в качестве «былого и достоверного» — как густо ими заполнены летописи отдаленных исторических эпох, как цепко они держатся в исторической памяти. И, словно расчищая древнюю фреску на стене храма, современный историк шаг за шагом проникает по ту сторону напластований легенд и мифов с тем, чтобы, развеяв их, открыть миру чистый лик исторической правды.

Известно, что одной из наиболее искусных легенд, включенных в «достоверную» историю Англии, до недавнего времени являлось освещение завершающего акта Войны роз³, совпавшего с правлением короля Ричарда III. Точно также известно, что стержнем ее являлось «предание» о самом Ричарде — его физическом и моральном облике, его пути к трону и его действиях в качестве венценосца-короля. История создания этой мистификации, ее укоренения в историографии и фольклорной традиции весьма поучительна, в особенности в связи с интересующей нас проблемой.

Случилось так, что Ричард, герцог Глостер, а впоследствии король Англии, являлся на протяжении столетий школьно-хрестоматийным (и одновременно фольклорным) лицом наилучше заключенной демонической личности в английской истории. Немаловажную роль в этом сыграла хроника Шекспира «Ричард III». Благодаря этому неповторимому сценическому образу история Ричарда III стала

³ Война роз — последняя в истории Англии феодальная усобица, длившаяся 1455 по 1485 г. Кровопролитная борьба между двумя «домами», претендовавшими на английский престол, — Ланкастерами (Алая роза) и Йорками (Белая роза) — была в действительности борьбой двух кланов феодальной знати за владение материальными ресурсами, которыми к тому времени располагала феодальная монархия. На более глубоком уровне действительности в Войне роз воплотилась борьба двух долговременных тенденций — прогрессивной и реакционной. С этой точки зрения Йорки должны рассматриваться как представители первой из них, которая, как известно, вела к установлению абсолютизма.

достоинием широчайшей публики. Достаточно только представить себе, сколько поколений разноязычных читателей и зрителей (и прежде всего, разумеется, английских) впитывали шекспировскую трактовку этого характера, сколько поколений театралов были потрясены лицемерием, коварством и цинизмом Ричарда-актера, чтобы роль сценического Ричарда в формировании исторической традиции определилась с достаточной полнотой. И это историческое образование продолжается уже без малого четырех столетий! Неудивительно поэтому, что и в наши дни, даже если человек не очень просвещен в деталях истории, вообще, и английской истории, в частности, «Историю Ричарда III» он определенно знает и знает, конечно же, «по Шекспиру».

Попытаемся теперь установить ту сумму «исторических» сведений, которую такой человек выносит из театра после просмотра шекспировской драмы. Поскольку зритель и читатель впервые сталкиваются с Ричардом еще в драме «Генрих VI», то для полноты картины последуем за шекспировским текстом. В третьей части драмы королева Маргарита (жена Генриха VI), обращаясь к Ричарду, говорит:

«А ты не вышел ни в отца, ни в мать,
Но — безобразный, мерзостный урод —
Судьбой отмечен, чтоб тебя бежали,
Как ядовитых ящериц иль жаб»⁴.

Но Маргарита — враг, она ненавидела весь клан Йорков и больше всего в ту пору еще юного Ричарда Глостера. Поэтому в высшей степени любопытно узнать, что думает о своем физическом облике сам Ричард? И мы потрясены: в суждениях о себе самом он столь же беспощаден, как и его враги:

«Я в чреве матери любовью проклят:
Чтоб мне не знать ее законов нежных,
Она природу подкусила взяткой,
И та свела, как прут сухой, мне руку,
И на спину мне взгромоздила гору,
Где, надо мной глумясь, сидит уродство;
И ноги сделала длины неравной;
Всем членам придала несоразмерность:
Стал я как хаос» (стр. 375).

Таков в изображении Шекспира Ричард: ниже среднего роста, горбатый, кривобокий, правое плечо выше левого, хромой... Но могла ли природа быть более милосердной к внешности этого человека, если она должна была вселить в него еще более отвратительную душу? По крайней мере, для зрителей шекспировского театра в этом заключалась гармония: моральное и физическое уродство должны были обязательно сочетаться, одно предполагало другое. Исчадием ада в человеческой плоти предстает перед нами сценический Ричард. Его почти с колыбели обуяла одна страсть — жажда высшей власти — короны. «Отец, подумай,— обращается к нему еще совсем юный Ричард,— как сладко на челе носить корону» (стр. 327). Эта все сжигающая и все поглощающая страсть, ставшая целью и смыслом жизни Ричарда на протяжении долгих лет выжижания «своего часа», определяла каждый его шаг, каждое слово. В знаменитом монологе, венчающем третий акт драмы «Генрих VI», мы слышим из уст Ричарда:

«Но раз иной нет радости мне в мире,
Как притеснять, повелевать, царить
Над теми, кто красивее меня, —
Пусть о венце мечта мне будет небом.
Всю жизнь мне будет мир казаться адом,
Пока над этим толовищем гадким
Не увенчает голову корона» (стр. 375).

⁴ Уильям Шекспир. Полн. собр. соч., т. I. М., 1957, стр. 350 (далее ссылки см. в тексте).

Обоснование этой неутолимой жажды власти, которое дано самим Ричардом, звучащее столь наивным и надуманным для нашего современника, было тем не менее убедительно для современников Шекспира. Во-первых, «моральное право» принадлежать к королевскому роду, высшей феодальной знати предполагалось при этом как нечто данное. Во-вторых, власть воспринималась не как ответственность и бремя, а как род наслаждения или, если угодно, как род мести людям за свои унижения, за обделенность простыми человеческими радостями. Наконец, политическая история Англии, и не только Англии, была настолько полна усобицами, феодальной анархией, корона столько раз венчала удачливых узурпаторов, что страсть Ричарда казалась в одинаковой мере «естественной» и «оправданной».

Но если обладание короной становится смыслом всей жизни, то разве не безразличен путь к ее достижению, разве можно мерить средства, к которым приходится прибегать на этом пути, моралью «простых смертных»! И Ричард становится «сверхчеловеком», т. е. «полностью свободным» от «тщедушных» предписаний этой морали:

«Решился стать я подлецом и проклял
Ленивые забавы мирных дней» (стр. 434).
«Стоят меж мной и троном много жизней ...
Так мучусь я, чтоб захватить корону;
И я от этих лютых мук избавлюсь,
Расчистив путь кровавым топором» (стр. 375)

Если не считать правившего в ту пору короля — старшего отпрыска дома Йорков (и, следовательно, старшего брата Ричарда) — Эдуарда IV, то на пути Ричарда к трону стояли: низложенный и находившийся в заточении в Тауэре король, Ланкастер — Генрих VI. В отличие от этого слабовольного и слабоумного монарха, годившегося разве только в «святые», его жена, француженка Маргарита, вовсе не желала складывать оружие. Ее энергии и отваге мог позавидовать полководец, ее язык был страшнее оружия, а по хладнокровной жестокости она немногим уступала самому Ричарду. Подняв из праха растоптанное знамя Ланкастеров, она с упорством отчаяния продолжала сражаться за трон и, разумеется, не столько ради своего незадачливого мужа, сколько во имя единственного, нажитого «в любви» сына — принца Эдуарда.

Однако в дальнейшем на пути Ричарда к трону появятся куда более опасные соперники — ближайшие родственники, все опережавшие его в праве на корону Англии. Это прежде всего сыновья Эдуарда IV, появившиеся на свет к концу беспутной и скотечной жизни «красавца-короля». За ними маячили фигуры среднего брата Ричарда, герцога Кларенса, и его сына и наследника. Если к этому списку прибавить внебрачных детей Эдуарда IV, а они также могли стать в решающий момент опасными для Ричарда, то легко убедиться в том, какая трудная борьба предстояла Ричарду, какая нужна была ловкость, изворотливость и недюжинный ум, чтобы, постепенно отправив соперников одного за другим в могилу, уберечь собственную голову для короны.

Легко себе представить захватывающее зрелище, которое разворачивалось на сцене перед завсегдатаями «Глобуса», как глубоко должны были они переживать эту дьявольскую игру Коварства, Подлости и Жестокости. В воздухе Лондона и за его пределами еще носились, не успев развеяться, кровавые миражи Войны роз, заговоров против королевы Елизаветы, инспирируемых Филиппом II и папой, а главное, — недавно пережитая угроза испанского вторжения и, наконец, торжество и радость избавления после крушения «Непобедимой армады» (1588). Неповторимо благодарный зритель исторических хроник заполнял елизаветинский театр! На сцене разыгрывалась не «история», а драма этих дней.

А Ричард между тем продолжал себя «рекомендовать»:

«Что ж, я могу с улыбкой убивать,
Кричать: «Я рад!» — когда на сердце скорбь.
И увлажнять слезой притворной щеки
И принимать любое выраженье.
Людей сгублю я больше, чем сирена,
И большие их убью, чем василиск;

Я стану речь держать, как мудрый Нестор,
Обманывать хитрее, чем Улисс...
В коварстве превзойду Макиавелли.
Ужели так венца не получу?» (стр. 375—376)

Итак, перед нами почти графическое изображение законченного злодея, девизом которого служило знаменитое: «Цель оправдывает средства». В высшей степени любопытно это хронологическое «переворачивание» событий: упоминание имени великого итальянца героем, для которого само это имя, как и его носитель еще не существовали. Итак, в этой реплике себя «обнаружил» автор. И тем не менее столь дебатируемый вопрос о влиянии этой популярной версии, «макиавеллизма», на формирование сценического образа Ричарда III представляется не столь¹ существенным, как это иногда кажется. Важно другое, насколько фольклорная и историческая традиция, связанная с именем Ричарда III, была близка, «вызывала на ум» поучения, связанные с именем Макиавелли. Иначе говоря, в этой традиции воплощен редкий пример «макиавеллизма» до Макиавелли *.

Сценический Ричард не демагог, апеллирующий к толпе, не кондотьер, опирающийся на наемников, а прежде всего — личность, внутренняя мощь которой намного превосходит всех, кто ее окружает. Этот человек — сгусток демонической энергии, его бесконечные превращения имеют постоянный фундамент, он полностью лишен совести, беспощаден, его оружие — коварство и меч — находится все время в действии. Ричард в одно и то же время — великий актер и «дьявольский мясник», но начинает он с последнего: участвует в убийстве наследного принца Эдуарда Ланкастера, не успев еще вложить меч в ножны, Ричард (заметим это) по собственной инициативе скакет в Лондон. «В Тауэр, в Тауэр!» — раздается клич на сцене. Достигнув цитадели, он врывается к заключенному там, низложенному его братом королю Генриху VI и собственоручно закалывает его. И это было сделано с такой поспешностью, что брат Ричарда, король Эдуард IV, будучи сам не очень щепетильным в таких делах, внутренне содрогнулся. Услышав, что Ричард ускакал прямо с поля битвы (при Тьюксбери) в Лондон, он заметил многозначительно: «Он скор бывает, что-нибудь задумав» (стр. 425). Как такой темперамент уживался с холодным расчетом?

Теперь, когда претенденты на трон — Ланкастеры — были устранены, естественно, настал черед братьев Ричарда: «Нет братьев у меня — не схож я с ними... Один я», — признается Ричард (стр. 428). Их следует убрать также хладнокровно, как убраны им его враги — отец и сын Ланкастера. Впрочем, старшего брата, короля Эдуарда IV, Ричард предоставил собственной судьбе: его дни были сочтены. Обжорство и чрезмерно «легкий нрав» зrimо сокращали срок его пребывания на троне. Оставался средний брат — герцог Кларенс. И Ричард решает избавиться от него, но «по воле» самого короля.

«— Кларенс, берегись: ты застиль мне свет, —
Я черный день тебе готовлю.
Я брату нашепчу таких пророчеств,
Что станет Эдуард за жизнь страшиться;
Чтоб страх унять, твою смертью стану» (стр. 428—429)

Интрига Ричарда пала на благодатную почву. Королева Елизавета (жена Эдуарда IV) и осаждавшие двор многочисленные ее родственники ненавидели Кларенса — вероломного, недальновидного, несдержанного на язык, откровенно не выносившего весь клан королевы. Когда же дело было сделано и по повелению короля Кларенс был сперва заточен в Тауэр и вскоре затем тайно убит, Ричард разыграл — и как искусно — роль

* Исторические судьбы творения родоначальника политической науки примечательны: уроки политической морали были усвоены современниками в «превращенном» виде, как повседневная, «общечеловеческая мораль», и Шекспир не был в этом смысле исключением. Поэтому, если уж говорить о влиянии «макиавеллизма» на формирование сценического образа Ричарда III, то следовало бы сказать о своего рода вторичном превращении «житейского макиавеллизма» низменной натуры в орудие политической борьбы, в ступеньки для осуществления честолюбивых замыслов, в подножье к трону. А этому, как известно, Макиавелли не учил.

жалостливого ходатая о милости к узнику, а после его гибели — «преданного родственника» осиротевшей семьи. Наконец, уже в «Генрихе VI» прозвучала угроза потомству короля. Когда в ответ на патетическую тираду Эдуарда IV, обращенную к маленькому сыну:

«Ведь для тебя, мой Нед, отец и дяди
В броне зимою проводили ночи;
Пешком шагали в летний зной палящий
Чтоб ты владел своей короной в мире» (стр. 429)

Ричард ответил зловещей репликой в сторону: «Когда умрешь, я жатву уничтожу». Затем следует неповторимая сцена молниеносных превращений Ричарда: то нежнейший и любящий дядя, то шипящая змея, готовая смертельно ужалить. Так, в ответ на призыв короля: «...Глостер... поцелуйте принца», — Глостер до омерзения славшаво отвечает: «Свою любовь к родившему вас древу я докажу, целуя плод его», — а в сторону, с дьявольской усмешкой: «Так целовал учителя Иуда» (стр. 430).

И все это так жизненно, органично, все это так соответствовало популярной версии о Ричарде — бессовестном, домогающемуся власти тирану, — что зрители, заполнившие «Глобус», забывали об игре, они видели одну только «правду», иными словами, они видели игру самой жизни, словесные и немые «монологи» Ричарда превращались в диалог, самый непосредственный и прямой. Этим зрителям не было надобности «вживаться» в разыгрываемую на сцене драму, они попросту жили в ней, они не лили слез — для этого они слишком много повидали на своем веку. Подлинно великие произведения драматургии тем и отличаются, что они всегда современны, поскольку на «временном» материале ставят и решают вопросы «вечные» и непреходящие. Именно поэтому, создавая исторические хроники, Шекспир дорабатывал, думал, поднимал исторический образ до высоты эстетических и этических целей. Однако при этом, что, впрочем, давно установлено, Шекспир довольно близко следовал за историческими источниками⁵. На многочисленных примерах было бы нетрудно показать, что поэтические «вольности» драматурга не только не нарушили унаследованную и закрепленную современной ему хронографией картину событий, как и истолкование обстоятельств и мотивов поведения их участников, но только подчеркивали, усиливали закрепленные за каждым персонажем черты характера, восходящие к традиции*. Так например, сценический Ричард (в сравнении с историческим) был буквально лишен детства. В «Генрихе VI» он показан участником битвы при Сент-Олбенсе, хотя историческому Ричарду было всего два года. Точно так же сценический Ричард сражался при Нортумберленде (1460 г.), хотя историческому Ричарду было к тому времени восемь лет от роду и вероятнее всего в обоих случаях он находился с матерью в герцогских палатах, а не с отцом Йорком на поле битвы. Точно так же вымыслом является присутствие Ричарда при Уэйкфилде (в этом сражении был убит его отец), равно как и его предполагаемое бегство (вместе с братом Эдуардом). Наконец, в этой драме Ричард представлен как активный участник битвы при Таунтоне, хотя в это время исторический Ричард (вместе с братом, будущим герцогом Кларенсом) находился в Бургундии, откуда они вернулись в Англию только через 10 недель после упомянутой битвы⁶.

Очевидно, что продиктованные требованиями драматургической задачи эти отступления только усиливают впечатление, превращая характер Ричарда в нечто изна-

⁵ «Holinshed's Chronicle as Used in Shakespeare's Plays». Ed. by A. Nicoll, J. Nicoll. London, 1952. (Шекспир пользовался 2-м изданием хроники — от 1587 г.)

* Разумеется, в случаях, когда традиция была противоречивой, Шекспиру приходилось выбирать. Так, несомненно, что в обрисовке Ричарда III Шекспир отдавал предпочтение «линии» Мора перед «линией» хроники Холла. См. ниже.

⁶ В драме «Генрих VI» имеются и другие исторические неточности. Так, в сцене 2-й (III акта), когда леди Грей просит Эдуарда IV вернуть ей владения покойного мужа, сказано: «Утратил жизнь в борьбе за Йоркский дом», — в действительности он пал, сражаясь за дом Ланкастеров. В 1-й сцене (IV акта) Кларенс утверждает, что Эдуард Ланкастер был женат на старшей дочери Уорика, а сам он намерен жениться на младшей его дочери, что также не соответствует исторической правде. В драме «Ричард III» первая из этих ошибок исправлена. Леди Анна представлена женой принца Эдуарда Ланкастера, в действительности она была его невестой.

чальное, данное буквально от рождения. Недаром Шекспир в разных вариантах повторяет легенду, будто Ричард был «выродком» — два года находился в утробе матери, когда же он, наконец, пожелал появиться на свет божий, то оказалось, что у него рот полон зубов и волосы до плеч. Следовательно, даже в своих «вольностях» Шекспир следовал за тюдоровской фольклорной и исторической традицией. В итоге характер Ричарда является налинидивидуальным, надчеловеческим, это рафинированное зло, в котором как бы представлена вся изнанка власти, а точнее безвластия, наступившего в эпоху Войны роз и, если угодно, всей системы феодальной монархии в целом. В этом случае сценический Ричард выступает таким же обобщенным олицетворением дома Йорков, каким королева Маргарита — дома Ланкастеров. Его образ наделен огромными потенциями сценического воздействия, ибо доведение до предела «конкретно-исторических», моральных и физических атрибутов Глостера придало его характеру поистине трагедийное и как бы вневременное звучание. И в этой метаморфозе гений Шекспира сыграл решающую роль.

С одной стороны, очевидно, что, создавая сценический образ Ричарда III, Шекспиру мало пришлось выдумывать. Все важнейшие черты его героя существовали в готовом виде, их следовало только собрать и привести в действие. С другой стороны, столь же истинно, что не будь Шекспира, история Ричарда III осталась бы таким же заурядным историческим эпизодом, какими остались правления большого числа узурпаторов и тиранов до и после него.

После просмотра «Ричарда III» зритель уходит полностью убежденным, что увидел лживого, ловкого, лицемерного, безгранично жестокого тирана, убийцу по влечению, паука, растягивающего в темном углу свою паутину, лично повинного в смерти Эдуарда Ланкастера и отца его, Генриха VI, родного брата, герцога Кларенса, и самое неимоверное — хладнокровного убийцу двух маленьких племянников, оставленных на его попечение наследных принцев, сыновей брата Эдуарда IV. После этого перечня что могут добавить обвинения в отравлении собственной жены, королевы Анны, с тем, чтобы жениться на своей юной племяннице — дочери того же Эдуарда.

Течет река времени, на смену друг другу приходят все новые поколения, непрерывно меняются вкусы, обновляются ценности, видения мира, а образ Ричарда III, как бы приподнятый громадной силой таланта Шекспира над этим неумолимым потоком, не стареет, и через пять столетий после представленных в драме событий он продолжает волновать ум и будоражить совесть тех, для кого исторический Ричард III как будто и вовсе не существовал.

ЧТО ЗНАЕТ СОВРЕМЕННАЯ НАУКА?

К сожалению, наука знает о Ричарде III гораздо меньше, чем «знает» каждый. К тому же в ее сведениях много лакун, необъяснимых загадок и противоречий, гораздо больше расставлено вопросов, нежели дано ответов. И это легко объяснить: слишком скротечным оказался его королевский титул, чтобы оставить сколько-нибудь зримый след в источниках. К тому же Тюдоры и их приспешники немало потрудились над тем, чтобы «пересоздать» память об этом монархе; им нужно было запечатлеть в нем монстра, иначе как бы они оправдали узурпированный ими королевский титул. В итоге исторических свидетельств о Ричарде III осталось очень мало.

Но был ли исторический Ричард III тем «черным дьяволом», каким он вот уже сколько столетий разгуливает по подмосткам театров? Имеются ли основания для того, чтобы различать Ричарда исторического и Ричарда сценического? Различать вовсе не для того, чтобы как-то «оправдать», «обелить» несомненного узурпатора и тирана, а для того чтобы подчеркнуть принципиальное различие между образом художественным и историческим, между легендой и действительностью. Увы, по этому вопросу в историографии все еще нет единодушия. Сторонники тюдоровской легенды продолжают считать шекспировский образ Ричарда едва ли не «документальным» и сохраняющим силу «доказательства»⁷. В противоположность первым все громче раздается голос тех историков, кто хотел бы вывернуть тюдоровскую традицию наизнанку, т. е. представить Ричарда невинным «белым ангелом», а победителя при Босворте (1485), будущего короля Генриха VII, наделить именно теми чертами, которые традиция

⁷ W. H. Rogers. Shakespeare and English History. Totowa, 1966.

присвоила Ричарду⁸. Попытки исторической реабилитации Ричарда III начались тотчас же после смерти последней представительницы династии Тюдоров, королевы Елизаветы, и продолжаются по сей день. Благодаря этим усилиям были найдены некоторые важные источники, о которых тюдоровская традиция либо не знала, либо сознательно их игнорировала⁹. Свет, пролитый этими документами¹⁰, позволил, в одних случаях, полностью отказаться от сложившейся традиции, в других — в значительной мере в ней усомниться, однако в ряде важных пунктов тюдоровская легенда о Ричарде III все еще остается неуязвимой, поскольку многие факты, и по-видимому на всегда, останутся нераскрытыми, составив одну из наиболее интригующих тайн в истории этой страны.

Ричард Плантагенет, младший отпрыск герцога Йоркского, родился в 1452 г. Уже одно это позволяет считать вымыслом все рассказы об его участии в военных действиях между Йорками и Ланкастерами вплоть до победы старшего брата Ричарда, Эдуарда, при Таунтоне (1460). До этого события, т. е. за первые восемь лет своей жизни, Ричард успел побывать вместе с матерью в плену у Ланкастеров и в изгнании (вместе с братом, будущим герцогом Кларенсом) в Голландии (при дворе Филиппа Доброго). По возвращении в Англию Ричард был осыпан милостями воцарившимся братом Эдуардом IV: ему был присвоен титул герцога Глостерского и переданы обширные владения на севере и западе Англии. В 14 лет Ричард появился при дворе Эдуарда IV. Теперь впору остановиться на его внешнем облике. Ни сохранившееся портретное изображение, ни современные ему описания не содержат и намека на те физические уродства, которыми наградила его тюдоровская традиция; он не был ни горбатым, ни хромым (хотя правое плечо, действительно, было несколько выше левого). Лицо его выражало ум, энергию, волю и не было лишено привлекательности, как об этом сообщают близко знавшие его современники. Невысокого роста, худощавый (в особенности, в сравнении с богатырски сложенным братом-королем), Ричард был в то же время физически сильным. Во всяком случае уже то обстоятельство, что единственное, к чему он серьезно готовился, было военное дело (при дворе знаменитого графа Уорика), свидетельствует о том, что внешность легендарного Ричарда — всего лишь злая карикатура на Ричарда исторического. Битвы, в которых он участвовал, подтверждают не только то, что он был мужественным воином, но и недюжинным полководцем. Смелость, упорство, хитрость сделали его правой рукой короля на поле брани.

Но, спросим мы, каким был моральный облик исторического Ричарда? Очевидно этот наиболее деликатный вопрос не может быть решен без соблюдения принципа историзма, т. е. суждения о человеке сквозь призму нравов и условий его времени. Создателям легенды о Ричарде, как и их высокородным патронам, разумеется, и в голову не приходило, что, рисуя арсенал средств, одно чудовищнее другого, при помощи которых «волевые натуры» завладевали короной, они в концентрированном виде представляли весьма заурядные явления политической жизни тех дней, раскрывали тайну возвышения и падения венценосцев. Заурядность пути, которым Ричард пришел к английскому престолу, раскрывается даже при сравнении с такими малоизвестными широкой публике событиями, как низложение и убийство Эдуарда II, как низложение и последующее убийство Ричарда II и т. д. Ричард III слишком недолго пробыл на троне для того, чтобы успеть с помощью придворных историков или хронистов облагодетельствованных монастырей «направить память» потомков в надлежащее русло. Скоротечность правления Ричарда III открыла его врагам, Тюдорам, возможность сделать это в направлении, прямо противоположном. Одним словом, королевский титул не стал для Ричарда тем щитом, за которым обычно скрывалась личность короля, сколь омерзительной она ни была бы. Это был тот редкий случай, когда распорядители посмертной памяти о Ричарде могли всячески чернить его, не рискуя при этом задеть «святость сана» короля, — ведь он был признан всего лишь узурпатором короны.

⁸ C. R. M a r k h a m. *Richard the Third, his Life and Character*. New York, 1968.

⁹ Так, например, был найден парламентский акт «Titulus Regis», в котором содержалось юридическое обоснование «права» Ричарда на английскую корону (акт, уничтоженный по приказу Генриха VII), и ряд других документов. — V. B . L a m b. *The Betrayal of Richard the Third*. London, 1959.

¹⁰ P. M. K e n d a l l (ed.). *The Great Debate*. New York, 1965.

Два вопроса имеют принципиальную важность для установления хотя бы некоторых черт характера Ричарда III исторического: 1) поведение Ричарда Глостера при жизни короля Эдуарда IV и в первые дни по получении известия о его смерти или иначе, когда созрело его решение стать королем, и 2) содержание деятельности Ричарда III как короля. Ответ современной науки на первый из этих вопросов может быть вкратце передан следующим образом: при жизни Эдуарда IV, т. е. большую часть сознательной жизни, он вел себя как верноподданный короля, его ближайший друг и помощник¹¹. Наиболее трудному испытанию верность Ричарда была подвергнута в 1470 г., когда граф Уорик (вступивший вговор с Ланкастерами) поднял мятеж против Эдуарда IV. Известно, что брат Ричарда (и короля), герцог Кларенс, в этот момент перешел на сторону мятежников. Ричард же остался до конца верным королю. Вместе с Эдуардом IV он был вынужден бежать на континент, дожидаясь, пока с помощью герцога Бургундского будет снаряжена военная экспедиция с целью отвоевания престола. Вместе с Эдуардом Ричард высадился на английский берег, вместе с ним проделал шестинедельный поход на Лондон. В решающих битвах при Барнете и Тьюксбери, в которых были разгромлены силы Ланкастеров, Ричард сражался с большим мужеством и полководческим искусством, командуя правым флангом войска Йорка. С этого момента Ричард заслужил безграничное доверие Эдуарда IV, а его девиз — «Верность меня обязывает» — был вполне оправдан.

С этими событиями связаны смерть наследного принца Ланкастеров, юного Эдуарда, и его отца, короля Генриха VI. Однако нет свидетельств о личной виновности Ричарда в смерти первого (вероятнее всего, что принц Эдуард погиб в сражении, такое мнение высказано в известной переписке Пастонов). Однако причастность Ричарда (наряду с Эдуардом IV) к убийству Генриха IV в Тауэре вряд ли приходится отрицать, хотя точных сведений и на этот счет, разумеется, нет. Смерти Генриха требовали «интересы» дома Йорков: пока Генрих был жив, заговоры и мятежи в его пользу были неминуемы. Сам факт умерщвления свергнутого короля был столь «объясненным», что он сравнительно быстро выветрился бы из людской памяти. В случае же с Генрихом VI память оказалась цепкой по одной причине: Ричарда обвинили в том, что он —де собственноручно убил узника Тауэра. Так или иначе, отсутствуют свидетельства, которые могли бы очистить Ричарда от этого обвинения. После битвы при Тьюксбери Ричард вместе с королем провели в Тауэре (там находился и королевский дворец) только одну ночь, и именно в эту ночь был убит Генрих VI. Ричарда (как и самого Эдуарда IV) легко представить в качестве организатора убийства. Он был сыном полуварварского, полуразбойниччьего века, богатого скорее политическими авантюрами, нежели торговыми предприятиями. Церковная проповедь делала свое дело: земная юдоль очень мало ценилась в те времена. «Свободное обращение» с бренной жизнью — чужой и своей — было оборотной стороной ожидания жизни вечной. Однако Ричард пригвожден традицией к позорному столбу не за «политические убийства», в этом смысле он просто был «невинным младенцем» в сравнении, к примеру, с теми же Тюдорами, в особенности, с каким-нибудь Генрихом VIII, а за предполагаемую «низменность натуры», за «вероломство», за «неразборчивость средств», как будто во всем этом его не превзошел тот же самый Генрих VIII!

В последнее десятилетие правления Эдуарда IV Ричард оставался наиболее доверенным лицом короля и вторым по могуществу человеком в государстве. Ему был передан политический контроль над северной Англией, очень беспокойной из-за засилья скрытых сторонников Ланкастеров и беспрерывных вторжений шотландцев. Его административное рвение привело к установлению там порядка, которого давно уже не помнили в этой части страны. Популярность Ричарда-администратора была здесь столь велика, что из опоры Ланкастеров север Англии превратился в оплот Йорков¹². В это время Ричард женился на младшей дочери графа Уорика, Анне (на старшей дочери Уорика был женат брат Ричарда, Кларенс), которая ранее была помолвлена с принцем Эдуардом Ланкастером. И хотя положение Ричарда открывало ему возможность блестящих брачных союзов за морем, он преодолел и недовольство Эдуарда IV, и упорное сопротивление со стороны Кларенса, которому очень не хотелось расстаться с поло-

¹¹ E. F. Jacob. The Fifteenth Century. Oxford, 1961, p. 607.

¹² Ibidem.

виной владений Уорика. С этих пор Ричард прочно обосновался на Севере, мало появлялся при дворе. В 1473 г. у Ричарда родился сын, который окончательно привязал его к северному краю, при дворе он стал еще более редким гостем, в отличие от герцога Кларенса, которому пристрастие к придворным интригам стоило жизни. В 1478 г. Кларенс был заточен в Тауэр, где через месяц нашел свою смерть. Причина его гибели раскрылась уже после смерти Эдуарда: он знал и громко высказывал нечто такое, что ставило под сомнение будущее династии. Но об этом позже.

Здесь же заметим, что винить в этой смерти Ричарда нет, по-видимому, никаких оснований и не только потому, что все это время он находился вдали от двора, но и потому, что Ричард действительно пытался, хотя и безуспешно, спасти Кларенсу жизнь. Впоследствии Ричард обвинял в его смерти родичей королевы — Вудвиллов, и будто бы поклялся отомстить. Итак, очевидно, при жизни Эдуарда IV Ричард не думал о троне, по крайней мере, не думал как политик. Он вел жизнь провинциального аристократа, разнообразившего свои дни то делами администратора, то охотой, то музойкой (покровительством музыкантам Ричард стяжал славу патрона искусств).

Но вот весной 1483 г. Эдуард IV умирает, последней своей волей назначив Ричарда лордом-протектором Англии и огнекуном наследного принца Эдуарда V (ему едва исполнилось 12 лет, а его младшему брату — 9). Как же повел себя Ричард в этих новых обстоятельствах? Не предвосхищая ответа, только заметим, что альтернатива сводится для историка к следующему: либо Ричард, получив это известие, тотчас решил любой ценой захватить корону и тем самым не допустить коронации племянника, либо мысль о такой возможности возникла у него постепенно, по мере того, как обстоятельства диктовали ему ту, или иную политику. Для того, чтобы читатель сделал самостоятельный и наиболее вероятный вывод, мы ограничимся лишь изложением известных фактов.

В момент смерти Эдуарда IV Ричард по обыкновению находился на Севере. Вместо того, чтобы тотчас же его известить о случившемся, как того требовала последняя воля умершего короля, королева Елизавета и ее родичи — Вудвиллы — вступили в заговор с целью не допустить протектората Ричарда. Для этого они решили срочно, втайне от протектора, в сопровождении значительной военной силы доставить Эдуарда V в Лондон и короновать его; в этом случае королева-мать оставалась бы регентшей при малолетнем короле, а Вудвиллы — фактическими хозяевами страны¹³. Если двор юного короля, находившегося в Ледлоу, получил известие о смерти Эдуарда IV на пятый день, то Ричард о нем узнал только на десятый, причем узнал не от посланца королевы, а от придворного лорда Хэстингса. Ричард ответил двумя письмами: в одном — на имя вдовы — выражалось соболезнование по поводу случившегося, в другом — на имя королевского совета подтверждалась готовность выполнить волю умершего, взяв на себя функции протектора. В сопровождении вооруженного эскорта (600 человек) Ричард двинулся на юг, в Лондон. При этом важна деталь: он принес присягу юному наследнику Эдуарду IV — Эдуарду V¹⁴.

Между тем события в Лондоне приняли следующий оборот: сын королевы от первого брака (Эдуард IV женился на вдове лорда Грея), маркиз Дорсет, являвшийся комендантом Тауэра, захватил монетный двор и немалые сокровища, накопленные покойным королем. Половину денег он употребил на снаряжение военного флота, остаток же поделил с матерью. Коронация была назначена на 4 мая 1483 г., между тем официального извещения лорду-протектору все еще не отправили. В официальных документах, составленных в эти дни в дворцовой канцелярии, имя протектора не упоминается, зато в них фигурирует мать-королева. Продвижение Ричарда на юг не было слишком спешенным до тех пор, пока к нему не дошли известия о событиях в Лондоне. Со своей стороны, сообщивший Ричарду эту новость герцог Бэкингем предложил ему помочь.

С этого момента Ричард начал активнодействовать. Перехватив по дороге Эдуарда V со всем обозом (несмотря на то, что его сопровождали 2000 вооруженных воинов), Ричард арестовал лорда Риверса, дядю короля с материнской стороны, а также не-

¹³ P. M. Kendall. Richard the Third. London, 1956, p. 128.

¹⁴ Ibid., p. 125.

сколько видных придворных и отправил их под стражу в один из своих северных замков. Известие о случившемся достигло Лондона. В столице началась паника. После неудачной попытки организовать военное сопротивление Ричарду королева нашла прибежище в стенах Вестминстерского монастыря вместе со своими дочерьми и младшим сыном, герцогом Йорком. Маркиз Дорсет скрылся и при первой же возможности бежал во Францию. 4 мая Эдуард V въехал в столицу в сопровождении Ричарда и поселился во дворце лондонского епископа. Такова была прелюдия трагедии. Вскоре восстановился обычный порядок вещей, должность Ричарда была утверждена Советом, и начались приготовления к коронации юного короля. Так продолжалось шесть недель. Коронация была намечена на 22 июня, и в ожидании ее король по традиции был переведен в Тауэр, который ему уже не суждено было покинуть.

Все круто переменилось 9 июня¹⁵. В этот день Совет собрался в Вестминстере, однако, что там обсуждалось, осталось неизвестным. Известно только, что 10 июня Ричард обратился к городу Йорку с письмом, в котором содержалось требование срочно прислать ему военное подкрепление против «королевы, ее родственников и приближенных, которые намеревались и повседневно стремятся убить нас и нашего кузена, герцога Бэкингема». Между тем в архивах этого города сохранилось письмо от Ричарда, написанное всего несколькими днями раньше, в нем нет и намека на подобные подозрения. Видимо, вскрылось нечто неожиданное, ранее неизвестное. О том, что речь шла о заговоре клана королевы, свидетельствует другое письмо Ричарда на имя лорда Невилла, в котором содержались обрещение о помощи и одновременно приказ немедленно привлечь арестованных родственников королевы к суду за измену. Тремя днями позже, 13 июня, состоялось заседание Совета в Тауэре, на котором Ричард обвинил своего старого друга, лорда Хэстингса, вместе с другими в заговоре в пользу королевы. По требованию Ричарда Хэстингс был казнен немедленно. Это был критический момент. С тех пор о каких-либо приготовлениях к коронации юного короля (формально ее отложили до ноября) уже не было речи. По всему видно, что был взят курс на коронацию самого Ричарда. То ли Ричард убедился в том, что коронация Эдуарда V будет означать конец его власти, то ли стало очевидным, что слишком влиятельные силы (в том числе и Лондон) не желают иметь малолетнего короля, предвещавшего неизбежную борьбу клик за власть и, следовательно, возобновление кровавых усобиц. К принятию рокового решения Ричарда явно подталкивало не только собственное безграничное честолюбие, но и грозившее ему гибелю честолюбие Вудвиллов во главе с королевой, с одной стороны, и враги Вудвиллов, не желавшие установления их самовластия,— с другой (определенные слои знати и бургерства, среди которого Ричард был особенно популярен)¹⁶.

Все случившееся позднее было лишь реализацией принятого решения. По настоянию Ричарда архиепископ Кентерберийский убедил королеву выдать младшего сына, находившегося вместе с ней в монастырском убежище, с тем, чтобы перевести его в Тауэр, где он должен был разделить судьбу старшего брата. 22 июня клирик Шэ выступил с публичной проповедью, в которой объявил детей королевы Елизаветы и Эдуарда IV незаконнорожденными на том основании, что до брака с нею Эдуард состоял в нерасторгнутом браке с некоей Элеанор Батлер, дочерью графа Шрусбери (по некоторым сообщениям, Шэ запел столь далеко, что признал незаконнорожденным и самого покойного короля, бросив тем самым тень на репутацию еще здравствовавшей матери Ричарда). Откровения Шэ основывались на свидетельских показаниях Джона Стлингтона, епископа Батского, который заявил, что сам совершил брачную церемонию Эдуарда с леди Элеанор. Так или иначе, но покойный Эдуард IV был объявлен двоеженцем, а дети его на этом основании — лишенными права на престол. Трудно сказать, знал ли Ричард до этого указанную историю, во всяком случае он вел себя вплоть до 9 июня так, как будто ничего не знал. Теперь эта история понадобилась, и она была предана гласности. 25 июня в Лондоне собралось подобие парламента, решавший голос на этом собрании принадлежал представителям Лондона, главным же ходатаем по делу Ричарда выступил его кузен, уже упоминавшийся герцог Бэкингем. От имени парламента было составлено обращение к Ричарду с просьбой принять английскую

¹⁵ V. B. Lamb. Op. cit., p. 66

¹⁶ P. M. Kendall. Richard the Third, p. 208.

корону. На следующий день депутация, предводительствуемая все тем же Бэкингемом, явилась в дом Ричарда для передачи петиции. Ричард с библией в руках разыграл сцену полного неведения о случившемся; выразив удивление, раздумие, колебания, и, только услышав угрозу, что в случае его отказа, парламент пошлет короля в другом месте, он ответил, наконец, согласием. После всего случившегося между 10 и 25 июня было бы нелепо отрицать лицемерие и коварство всей этой сцены. Но иной она и быть не могла: если бы Ричард отказался от протекторства и удалился в свой замок, на что он уже не был способен, то сомнительно, остался бы он жив под властью Вудвиллов, если же он желал сохранить жизнь и власть, он мог этого достичь, лишь устранив от престола потомство Эдуарда IV и вместе с ним клан королевы.

6 июля 1483 г. Ричард и его жена Анна были коронованы. За неделю до этого в Лондон вступили «люди Йоркшира», пришедшие на «защиту» своего герцога. По пути на юг они успели «помочь в казни» заключенных Ричардом родственников королевы — ее брата, лорда Риверса, и сына от первого брака Ричарда Грея. Летопись деяний короля Ричарда III весьма кратка. При этом, однако, сразу же проявилась неожиданная черта его политики — ориентация на популярность¹⁷. Так, первым же актом после коронации было его обращение с призывом к служителям Фемиды беспристрастно отправлять правосудие по отношению ко всем подданным. Всем, кто знает обстановку, царившую в Англии в период Войны роз, этот акт скажет о многом. Точно так же и статуты, принятые в первом и единственном парламенте Ричарда, содержат немало свидетельств его внимания к «общинам Англии» и стремления пресечь власть голой силы. Среди этих законов оговаривается право отпуска обвиняемых на поруки, исправление ряда злоупотреблений, расшатывавших систему феодальных держаний (в этом Ричард предвосхитил законодательство Тюдоров), был снижен ценз, делавший человека правоспособным входить в состав судебного жюри, запрещена практика содержания при дворах знати, так называемых ливрей, т. е. наемных дружины, наконец, было запрещено (что так любил делать Эдуард IV) прибегать к сбору «добровольных даров», т. е. налогов в обход парламентской прерогативы. Даже враждебно настроенный Френсис Бэкон должен был признать, что Ричард был «хорошим законодателем, преследовавшим цель облегчения и утешения простого народа». Зерно истины в этом отзыве несомненно есть. Кстати, когда Ричард вскоре после коронации отправился в «путешествие» с юга Англии на север, он решительно отказался принимать от городов денежные дары, хотя очень нуждался в деньгах. Наконец, стоит привести запись, сделанную в городском реестре Йорка по получении известия о гибели Ричарда: «Король Ричард, законно царствовавший над нами, был безжалостно убит вследствие великой измены и к большому отягощению города». Согласимся, что такого Ричарда не знает христоматийная традиция. Хотя более чем краткий срок пребывания Ричарда на английском престоле не позволяет вынести окончательных суждений, однако и при жизни Эдуарда IV, и в качестве короля Ричард проявил себя администратором столь эффективным, что мало кого из его предшественников на английском троне можно поставить с ним в ряд. Но что важнее всего, в самом понимании задач государственного управления Ричард предвосхитил систему абсолютизма, с одной стороны, и «просвещенных» князей итальянских городов XVI века — с другой. Однако в этой политике было гораздо больше от стремления к популярности, нежели от системы воззрений.

И тем не менее, исторический Ричард не был крупным政治家, он даже не был мастером тонкой интриги, являвшейся в ту пору критерием политического искусства. Пусть это звучит парадоксально, но в ней он попросту был бездарен. недаром он так избегал двор своего царствующего брата, более того Ричард даже не обладал той мерой подозрительности, которая делала в ту пору правителя «прозорливым», и той мерой беспощадности, которая делала его неуязвимым. Однажды уверовав в человека, Ричард продолжал ему доверять фактам вопреки. Наконец, принадлежа к высшей знати, Ричард должен был либо заслужить ее расположение, либо вступить с ней в единоборство. Между тем «авансы» Ричарда «простонародью» настораживали и отталкивали от него знать. Его политическая изоляция вскоре стала реальным фактом.

Осенью 1483 г. был раскрыт широкий заговор, преследовавший цель посадить на престол графа Ричмонда, внебрачного отпрыска одного из Ланкастеров, единствен-

¹⁷ Ibid., p. 262.

ная сила которого заключалась в скрытой поддержке со стороны части старой знати и в клятвенном обещании его жениться на дочери покойного Эдуарда IV с тем, чтобы соединить «обе розы» в своем гербе и этим положить конец кровавой междоусобице. Во главе заговора, к всеобщему изумлению, оказался герцог Бэкингем, столь много сделавший, чтобы проложить Ричарду дорогу к трону. Вместе с ним в заговоре участвовали: мать Ричмонда, леди Стенли, епископ илийский, Джон Мортон (будущий канцлер Генриха VII), и ряд других лиц. Как же повел себя Ричард? Он ограничился казнью только одного, вероломного Бэкингема. Джолу Мортону, маркизу Дорсету и ряду других мятежников удалось бежать во Францию, а леди Стенли, не прекращавшая плести интриги в пользу своего сына, претендента на корону, была передана «под ответственность» своего мужа, лорда Стенли, оказавшегося вскоре столь же коварным, как и его жена. Таков исторический Ричард.

Поистине в подобной политике мало демонического и еще меньше от прирожденной «испорченности». Куда делись исключительная кровожадность, нечеловеческая жестокость герцога Глостера или, оказавшись на троне, он переменился? Нет, Ричард III был скор на руку, только столкнувшись лицом к лицу с врагом, но он совсем не замечал врага притаившегося. На троне он производил скорее впечатление нерешительного, заискивающего монарха, нежели сильного и уверенного правителя. Остается заключить, что исторический Ричард III был совсем не тем характером, каким рисует его тюдоровская традиция.

В феврале 1484 г., примирившись с Ричардом, из своего убежища (вместе с дочерьми) вышла королева, вдова Эдуарда IV. Но куда же делись ее сыновья, наследники Эдуарда, племянищики Ричарда? С момента их заключения в Тауэр их никто больше не видел. Что с ними произошло? Молва гласила, что их умертвил коронованный дядя¹⁸. Но такой акт был бы с его стороны самоубийственным. Более того, он был и бессмысленным, ведь детей признали парламентским актом «внебрачными» и поэтому на «законном основании» лишенными прав на престол. Наоборот, для Ричарда являлось жизненно важным, чтобы принцы остались живы, хотя бы для опровержения молвы, о которой он не мог не знать. Кроме того, как могла бы королева, их мать, примириться так скоро с Ричардом, если бы она знала, что он убийца ее сыновей. Не таков был характер этой женщины, безгранично честолюбивой, энергичной, неутомимой в своих интригах, чтобы ожидать от нее подобного шага. Однако судьба малолетних принцев официально ни ее, ни Ричарда больше уже не интересовала; она осталась одной из исторических загадок и исключительно благодатной темой для драматизации событий этого времени.

В апреле 1484 г. неожиданно умер сын Ричарда III, наследный принц Эдуард, вместе с ним сошла в могилу надежда на создание собственной династии. Вопрос о том, кто станет преемником Ричарда, вновь встал на повестку дня, вновь замаячила угроза кровавых усобиц, от которых Англия безгранично устала. Это не могло не повлиять на стабильность режима. Шансы притаившегося в Бретани графа Ричмонда неожиданно возросли, его скрытые сторонники в самой Англии пришли в движение. В марте 1485 г. умерла жена Ричарда, королева Анна. Все, знаяшее ее, были прекрасно осведомлены, что она давно и тяжело болела туберкулезом. Однако враги Ричарда не преминули воспользоваться ее кончиной и распространили слух, будто Анну отравил Ричард с тем, чтобы жениться на своей племяннице Елизавете, которую заговорщики прочили в жены Ричмонду. Дело дошло до того, что Ричард был вынужден публично отрицать подобное намерение.

Между тем в Англии созревал новый заговор. Враждебная паутина плелась на глазах Ричарда, однако он один ничего не видел, скорее не желал видеть. В августе Генрих Ричмонд, будущий Генрих VII, высадился на английский берег с кораблей, снаряженных на французские деньги, в сопровождении французских наемников. Здесь под его знамя собрались остатки клана Ланкастеров. Решающая битва между Ричмондом и Ричардом произошла 22 августа 1485 г. при Босворте. Она длилась всего два часа. Исход ее решила измена. Силы Ричарда, находившиеся под командованием лорда Стенли, перешли на сторону Ричмонда. Эрл Норсемберленд, имея под своим на-

¹⁸ «Memoirs of King Richard the Third and Some of His Contemporaries». By. J. Jesse. Boston, 1902, p. 208.

чалом резерв Ричарда, остался пассивным свидетелем событий — эти войска так и не были введены в действие. Оказавшись один с горсткой верных воинов, Ричард с криком: «Измена, измена!» — врубился в самый центр вражеского войска и вскоре нашел свою смерть. Два дня его труп был выставлен на поругание толпы в Лейстере, пока какие-то монахи не решились, наконец, предать его земле. В отличие от своего брата Эдуарда IV, который опинаясь на купечество, стал сам преуспевающим купцом, Ричард, следя той же политике, оставался вельможей в поступках и образе мыслей; он снисходил к простолюдинам, какими богатыми они не были бы, но не смог даже на короткое время слиться с ними. Многих вельмож он отталкивал, настораживал, пугал своими симпатиями к «мелкому люду»¹⁹. Отсюда неизбежная политическая изоляция Ричарда III. Демонический герцог и совсем слабый, недальновидный король — одна из половин этого суждения ошибочна. На наш взгляд, это относится к первой половине.

КАК ВОЗНИКЛА ЛЕГЕНДА О РИЧАРДЕ?

В этом заключен, по-видимому, один из интереснейших сюжетов для исторической психологии. Хотя отдельные элементы этой легенды стали зарождаться еще при жизни самого Ричарда, однако, несомненно, что полного завершения она достигла много времени спустя после его смерти. Напрасно мы стали бы рассматривать процесс ее складывания как стихийный результат слияния творений безличной фантазии. О, нет, фольклор имеет авторов, хотя и неизвестных. В данном же случае, вдохновители и режиссеры этого процесса были слишком на виду, чтобы остаться в тени. Первые Тюдоры и их окружение — вот та среда, откуда исходили импульсы, определившие направление и основное содержание легенды о Ричарде.

Генрих VII, новый узурпатор короны, был во всех отношениях удачливее Ричарда. Он обладал как раз теми качествами, которых недоставало последнему: изворотливым умом, мастерством скрытой интриги, дальновидностью. Что же касается того, что он был трусоват, предпочитал военным доспехам мирный кафтан, был непомерно скрупулезным, то это отнюдь не помешало ему стать родоначальником династии самых могущественных монархов в истории Англии. В плане человеческом он, конечно же, был намного мельче Ричарда, а в жестокости его превзошел: к своим жертвам он подкрадывался исподтишка, хватал их мертвой хваткой; из его рук уйти никому не удавалось. Целые роды были вырублены под корень, конфискации владений по своим масштабам не имели precedентов, налоги выжимали последние соки из страны. Но «историческая память» как будто все это «обошла» — ведь Генрих VII заложил «величие династии», величие Англии.

Но почему же она оказалась столь беспощадной к «широко мыслящему» королю Ричарду III? Почему она не только не забыла содеянное им, но нагромоздила на его совесть нечеловеческий груз вымышленного? Только ли потому, что он был неудачлив? Конечно же, нет. Потому, что «легенда о Ричарде» настоятельно требовалась Тюдорам²⁰. Она должна была служить для них моральным оправданием совершенной ими узурпации, вторжения, убийства Ричарда. Рассмотрим в этой связи некоторые из достоверно известных фактов. Генрих VII был коронован в Вестминстере в октябре 1485 г. Первым делом он объявил недействительным парламентский акт, которым был в свое время обоснован королевский титул Ричарда III, приказав уничтожить все существовавшие копии, «с тем, чтобы все сказанное и упомянутое в указанном билле было навсегда вычеркнуто из памяти и навсегда забыто». Созданный Генрихом парламент по его требованию принял акт, обвинявший Ричарда в измене. «Таково было желание короля,— отмечает Бэкоин в своей «Истории Генриха VII»,— поскольку парламент принял во внимание неестественные злодеяния и большие преступления, измены, человеческоубийства, пролитие драгоценной крови и другие проступки, совершенные Ричардом, покойным герцогом Глостерским, именовавшим себя путем узурпации королем Ричардом III»²¹. Так, впервые был придан официальный характер версии, согласно которой исчезнувшие сыновья Эдуарда IV были убиты их дядей (во всяком случае, с его

¹⁹ P. M. Kendall. Richard the Third, p. 283.

²⁰ «The Great Debate», p. 18.

²¹ «Rotuli Parliamentorum», vol. III, 1.H VII. London, 1836.

ведома, по его приказу). Однако не может не обратить на себя внимание туманность формулировки, ибо указание на «пролитие детской крови» есть нечто столь же неопределенное, как и сами слухи, откуда они почерпнуты. Объяснение этого любопытного факта весьма простое. Уничтожением парламентского акта «О королевском титуле Ричарда III» Генрих вновь легализовал всех детей Эдуарда и Елизаветы Вудвилл: не мог же Генрих быть женатым на «внебрачной» дочери Эдуарда IV, поскольку политический смысл брака с ней и заключался в том, чтобы его рассматривали как «счастливое примирение и соединение» двух династий — Йорков и Ланкастеров.

Однако вместе с титулом его жены этот акт легализовал и титул сыновей Эдуарда, которые (если бы они были живы и находились на свободе) имели самое бесспорное право на корону Англии. Таким образом, уничтожением «королевского титула» Ричарда Генрих оживил память о «королевских младенцах» и, следовательно, создал необходимость настоятельного выяснения судьбы принцев — для себя и столь же упорного распространения версии об их смерти — для других. Однако об их судьбе Генрих, очевидно, не знал, отсюда столь туманная и ни к чему не обязывавшая формулировка, точнее упоминание в анализируемом акте о «пролитии Ричардом детской крови» — юридически это упоминание ни к чему не обязывало; мало ли о каких младенцах могла идти речь. Психологическое же воздействие на слушателей (королевские статуты в ту пору неоднократно зачитывались во всех храмах страны) должно было быть огромным, ведь они-то «знали», о чём шла речь в акте.

Итак, ясно одно: в момент издания своего первого парламентского акта Генрих VII находился в полном неведении относительно судьбы сыновей Эдуарда IV, братьев его жены. Если этот человек, для которого в политике не существовали мелочи, умевший ухватиться за любую зацепку, извлечь пользу из любого просчета врага, не мог назвать Ричарда во всеуслышанье убийцей, значит он в действительности не имел никаких сведений об их судьбе. Кроме того, если бы они находились в его руках, то ему ничего не стоило убить их (тем более, что этого настоятельно требовали его интересы), представив содеянное как «подтверждение» обвинения, выдвинутого против Ричарда; наконец, если бы Генрих был твердо убежден в том, что принцы мертвы, ему не трудно было бы показать останки других детей того же возраста в качестве «вещественного» доказательства преступности Ричарда. Но Генрих ничего не знал о судьбе принцев; вероятнее всего они в то время были живы и находились вне его досягаемости, иначе он должен был заказать торжественную поминальную мессу, как того требовало королевское достоинство принцев, торжественно их похоронить на королевском кладбище. Царившая в эти годы неопределенность относительно судьбы принцев дорого обходилась Генриху. В начале 1487 г. в Ирландии объявился самозванец: сначала он назывался герцогом Йорком, т. е. именем младшего из сыновей Эдуарда IV, затем предпочел имя эрла Уорика, т. е. сына брата Эдуарда IV, герцога Кларенса, которого Генрих VII сперва заточил в Тауэр, а затем тайно казнил. Самозванец оказался сыном оксфордского купца, неким Ламбертом Симмелем.

Одним словом, положение Генриха VII было в эти годы не из легких, только его необычная изворотливость вкупе с неслыханной жестокостью помогли ему удержаться на троне, вопреки тому, что он был «ненавидим по всей стране» (Бэкон). Особенно он был беспощадным к дому Йорков. За каждым из представителей этого дома Генрих буквально охотился. Первой его жертвой стал внебрачный сын Ричарда III, Джон Глостер. По свойственной ему манере Генрих сначала «назначил ему» пенсию в 20 ф. ст. в год, но вскоре Джон Глостер по ложному обвинению был схвачен и казнен. Аналогичная судьба постигла, как мы видели, и сына герцога Кларенса Уорика. Поскольку Йорки все еще оставались популярными, в особенности на севере страны, против них в лице Ричарда распространялись ложь, инсINUации, самая черная хула. Все, кто умел писать и стремился заслужить милости короля, стали вольными или вынужденными соучастниками этой кампании.

Неплохой образчик того, как это делалось, представляют писания некоего Руза ²². Еще во времена Ричарда им была составлена фамильная история графа Уорика (вспомним, что младшая дочь последнего, королева Анна, была женой Ричарда). Эта история была составлена в двух списках на латинском и английском языках. В англий-

²² «Memoirs of King Richard the Third», p. 208.

ском списке, который был, по-видимому, передан автором в другие руки, о Ричарде говорилось: «Могущественный принц и особенно добрый лорд». В другом месте той же истории: «Наиболее победоносный принц Ричард... наказывающий нарушителей закона и, в особенности, притеснителей общин и поощряющий тех, кто показал себя добродетельным, чем заслужил большую благодарность и любовь всех своих подданных, богатых и бедных, и добрую славу среди всех других народов». По-иному сложилась «судьба» Ричарда во втором, латинском, списке той же истории. Он, по-видимому, находился в руках составителя в момент смены династии, и тот, на всякий случай, тут же засел за «исправление» текста в духе, угодном Ланкастерам. Пассаж, содержащий похвалу в адрес Ричарда, был выскоблен, вместо него появилось: «Несчастный муж Анны», сама Анна была лишена королевских достоинств и инсигний. Вместо прежнего изображения Ричарда появилось изображение Генриха VII.

Руз, первый из современников Ричарда, упомянул о физическом уродстве Ричарда. Фабиан, лондонский хронист, который должен был не единожды видеть Ричарда, ничего о них не знает. Ничего о них не сообщает француз де Коммин, как и анонимный составитель Кройлендской хроники. Если бы Руз был прав, могла бы графиня Деемонд вспоминать, как она танцевала с Ричардом, бывшим после своего брата Эдуарда «наиболее привлекательным молодым человеком среди присутствовавших в зале»²³. Но Руз знал, что делал. В своей «Истории английских королей», посвященной Генриху VII, он дал волю фантазии. Здесь впервые появились легенды, что Ричард родился только после двухлетнего пребывания в утробе матери, что он появился на свет со всеми зубами, длинными до плеч волосами, что он был горбат. Стоит только сопоставить два описания Ричарда, составленные одним и тем же человеком до и после битвы при Босворте, чтобы механизм создания тюдоровской легенды о Ричарде стал полностью ясным. Естественно, что плоды фантазии Руза стали переписывать все, кто касался этого сюжета как в правление Генриха VII, так и его преемников. Было, разумеется, нелегко внедрить в память истории образ Ричарда, угодный Тюдорам. На это требовалось время и терпение.

Один за другим сходили в могилу все, кто лично знал Глостера. Появились новое поколение, слышавшее о нем только по преданиям, а предания, как мы видели, создавались искусно и неустанно. Наряду с протюдоровскими «историями» появились и соответствующие баллады. Так, в одной из них — «Песня леди Бесси» — излагается «История Ричарда». В ней он обвиняется в смерти племянников и жены Анны. Леди Бесси — это, конечно, Елизавета Вудвилл. Повторяя своих предшественников, каждый новый рассказчик этой истории считал своим долгом внести в нее свою лепту, разукрасить новой деталью, одним словом, разработать и обогатить тюдоровскую версию легенды. Так, уже упоминавшийся лондонский хронист Фабиан, допустивший массу ошибок в описании правления Эдуарда IV и Ричарда III (ошибки в датах, имея нах, в следовании событий), «знает» зато нечто «новое» — это от него исходит сообщение, что сын Генриха VI — Эдуард Ланкастер — был убит не в ходе сражения при Тьюксбери, а только после него, хотя и не связал этот акт жестокости с чьим-либо гменем. Но это был прозрачный намек. Зато он первый обвинил Ричарда в непосредственной ответственности за расправу с Генрихом VI, сославшись при этом на «общую мольбу». О сыновьях Эдуарда IV Фабиан сообщает, что они были заключены в Таузэр, где находились под строгим надзором, и что они никогда уже эту цитадель не покинули. При этом, опираясь опять-таки на «общую мольбу», он заключает, что дядя (т. е. Ричард) «тайно умертвил их».

В конце 80-х годов XV в. распространился во второй раз слух, что, по крайней мере, один из сыновей Эдуарда IV жив. И как бы в подтверждение на политическом горизонте Англии вновь появился самозванец. Это был молодой человек, Перкин Уорбек, объявивший, что он не кто иной, как младший сын Эдуарда IV, герцог Йоркский, и, следовательно, законный король Англии. Все его видевшие единодушно утверждали, что он удивительно похож на покойного короля. Еще больше поражало, в какой степени он был знаком с внутренним обиходом королевского двора и такими подробностями, которые предполагали его принадлежность к узкому кругу придворных. Угроза, исходившая от этого самозванца «царствующей династии», оказалась куда

²³ V. B. Lam b. Op. cit., p. 118.

более серьезной, чем в случае с Симмелом. Все, однако, закончилось тем, что Уорбек, поддавшись на провокацию, попал в руки Генриха VII и был после пыток повешен.

Если возможность появления одного за другим двух самозванцев объяснялась тайной, которой была окружена судьба сыновей Эдуарда, то поведение Генриха VII, в особенности, в случае со вторым самозванцем, свидетельствовало о том, что и он не имел никаких определенных доказательств об их гибели. Однако к концу века Генрих решился, наконец, на обнародование этой версии в качестве юридически доказанной. С этой целью было составлено «признание» Джеймса Тирела. Сэр Джеймс был верным слугой Эдуарда IV и Ричарда III. После битвы при Тьюксбери он был возведен в рыцарское достоинство. Генрих VII, как и следовало ожидать, лишил его всех владений и должностей. Однако в 1489 г. после примирения с Генрихом Тирел получил владение во Франции и прожил там 16 лет. Но в 1502 г. Генрих распорядился его арестовать. Он был схвачен и казнен в мае того же года по обвинению в переписке с эрлом Сеффокским (племянником Эдуарда IV и Ричарда III). После его смерти было объявлено, будто перед смертью Тирел признался в том, что в свое время по распоряжению Ричарда организовал убийство сыновей Эдуарда. Его «Исповедь» цитируется Т. Мором и Ф. Бэком.

Вкратце она повествует следующее. После коронации Ричард выехал из Лондона на север и в начале августа отправил посланца к коменданту Тауэра, старому другу короля, Роберту Брекенбери, с распоряжением убить детей. Однако Брекенбери отказался выполнить этот приказ. Ричард об этом узнал, когда уже был в Йорке. Он очень огорчился и поделился известием с находившимся тут же пажем. На это паж ответил, что Джеймс Тирел, в тот момент находившийся в передней, будто готов выполнить любой приказ короля; Тирела немедленно призвали к Ричарду, и тот вручил ему два письма. В одном — был повторен прежний приказ, во втором же содержалось распоряжение на имя Брекенбери передать на одну ночь ключи от Тауэра Тирелу. Этот приказ Брекенбери выполнил. Дети были убиты ночью в постелях двумя наемными убийцами. Тирела в это время в помещении не было. Трупы мальчиков зарыли под лестницей, ведущей в королевские покой, и сверху прикрыли кучей камней. Утром Тирел вернул ключи Брекенбери, а сам поспешил на север сообщить Ричарду о совершившемся. Единственное, чем Ричард был недоволен, это тем, почему детей не похоронили на кладбище. Убийцы принцев умерли в течение «ближайших двух лет». Из свидетелей к 1502 г., помимо Тирела, остался в живых его слуга Джон Дитон. Однако, заметим это, никто из них не был судим за участие в этом чудовищном преступлении: Тирел, как мы видели, был казнен по совершенно другому обвинению, Дитон же был отпущен с миром, ему назначили пенсию и только взяли с него обязательство, что он будет жить в Кале. Такова суть «Исповеди» Тирела, благо мертвый Тирел не мог уже отрицать ее истинность, а Дитон, был, по-видимому, из тех, кто за деньги мог утверждать все, что угодно.

То, что в этой истории много несуразного и выдуманного, видно невооруженным глазом. Однако недоумение вызывает и другое: почему Генрих только спустя 20 лет заинтересовался, наконец, убийцами, почему при его сыскном таланте он не занялся этим немедленно после воцарения, в пору, когда составлялся «Акт об измене» против Ричарда, ведь речь шла о братьях его жены? Так или иначе, но официальная версия «истории младенцев» получила «документальное обоснование». С этих пор «Исповедь» Тирела используется всеми историками этого периода²⁴.

В 1506 г. Генрих пригласил к себе находившегося в Англии итальянца Полидора Вергиля и, щедро одарив, предложил ему написать историю Англии (его «История» была опубликована только в 1534 г.). Для этой цели ему был открыт доступ к официальным документам, которые он мог бесконтрольно «подбирать» и «упорядочивать». Вергиль был первым, кто открыто обвинил Ричарда в убийстве Эдуарда Ланкастера («известие», которое значительно «улучшало» сообщение Фабиана). Точно так же, повторяя Фабиана, Вергиль «знает», что Ричард по своей инициативе и собственноручно заколол Генриха VI, при этом Фабиан ссылается на распространенную молву, а Вергиль «на общее мнение» (первый писал спустя 20 лет, второй — 40 лет после описываемых собы-

²⁴ Ею воспользовался и Томас Мор в своей «Истории Ричарда III». — «The Great Debate», р. 86. Более подробную разработку этой версии см. Е. Б. Ч е р н я к. Приговор веков. М., 1971.

тий). Так читателя готовили к восприятию кровавой эпопеи Ричарда, начавшейся после смерти его брата. То, что оплаченный Генрихом VII историк выступил в роли обвинителя по делу Ричарда,— очевидно. Точно так же неудивительно, что Генрих VII предстает в его истории как юный, галантный герой, предназначенный пророчеством божиим спасти Англию из когтей кровавого тирана.

Следовательно, только к началу XVI в. все элементы легенды о Ричарде были наяву. Не хватало только «талантливого» пера, чтобы сплавить их в единое целое. И такое перо нашлось — оно оказалось в руках великого Томаса Мора. Им был создан непревзойденный образец ренессансной историографии в Англии — «История короля Ричарда III». Написанная около 1513 г., эта «История» не только полностью выдержана в духе тюдоровской легенды о Ричарде; благодаря своим стилевым особенностям она завершила эту легенду, литературно оформила, вдохнула в нее вечную жизнь. «История» Мора была опубликована через восемь лет после его смерти Ричардом Графтоном как продолжение «Хроники» Гардинга (1543) и (им же) вторично — как часть «Хроники» Холла (1548). Наконец, она была включена племянником Мора, Уильямом Рэстелом, в издание: «Английские сочинения» Мора (1557). Это двуязычное произведение Мора (параллельно на английском и латинском языках) осталось незавершенным — изложение обрывается на беседе Бэкингема с отдаленным Ричардом III под его надзор заговорщиком епископом Джоном Мортоном. Однако оно не только определило вплоть до наших дней позицию научной историографии в этом вопросе, но питало фантазию Шекспира, когда он создавал своего «Ричарда III». При этом речь идет не об одной канве событий, но и о деталях физического и психологического портрета героя. Талант Мора подготовил и литературный жанр — драму «История Ричарда»; без малого одну треть фрагмента занимают диалоги. Следуя античным образцам (и прежде всего Фукидиду), Мор создает речи и диалоги огромной патетической насыщенности. Чего стоит, например, одна только сцена, когда архиепископ Кентерберийский уговаривает королеву Елизавету Будвилл отпустить младшего из сыновей Эдуарда IV в Тауэр, к брату. По глубине психологизма, по трагичности и безысходности эта сцена более чем достойна Шекспира. Именно эта живость в обрисовке характеров, тонкая ирония, которой высвечены их слова и поведение, метафоричность родной речи, которой впервые воспользовался большой мастер, чтобы создать столь крупное сочинение в прозе, — все это объясняет, почему именно Мор сыграл решающую роль в закреплении тюдоровской легенды о Ричарде. Воссозданная им из обрывков разноречивых «преданий», картина убийства принцев была настолько живой, что долгие столетия заставляла историков закрывать глаза на надуманность всей истории с Джеймсом Тиреллом, историей, в которой этот высокий придворный Ричарда III (начальник конницы) выступает в роли малоизвестного королю авантюриста и злоумышленника. Подобных примеров множество.

Известно, однако, что противники этой легенды в английской историографии поставили под сомнение авторство Мора, приписав его «Историю» канцлеру Генриху VII, архиепископу Мортону²⁵. Дело в том, что репутация Мора, человека и ученого, оставалась все эти столетия столь высокой, его моральный облик — столь несравненным, что одно его имя придавало в глазах современников, равно как и их потомков, значение истины каждому слову, сказанному или написанному им. Строго говоря, Мор не был очевидцем описываемых им событий (он родился ок. 1480 г.). Поэтому неизбежно возникает вопрос об источниках его информации. Насколько можно судить по ссылкам самого Мора — устные предания и «рассказы» легли в основу его «Истории». И самыми важными среди них были, несомненно, «рассказы» самого Мортонса, при дворе которого Мор находился (в качестве пажа) в течение ряда лет. Если же вспомнить, что Мортон являлся одним из самых опасных заговорщиков против Ричарда и ближайшим советником Генриха VII, то явная и неизбежная пристрастность полученной от него информации станет полностью очевидной. Чего стоит только одна характеристика Мортонса в «Истории»: «Епископ был человеком большого природного ума, очень умен и благородного поведения». Последнее явно не соответствовало действительности. И, может быть, именно потому, что по мере приближения к катастрофе при Босворте тюдоровская традиция все больше расходилась с тем, что совесть Мора могла считать

²⁵ С. Р. Маркхэм. Ор., cit., p. 39.

правдой, может быть именно поэтому он и вынужден был прервать свою «Историю» на полуслове.

Наконец, остается без ответа самый важный вопрос: зачем великому гуманисту Мору понадобилось писать «Историю Ричарда»? Чтобы угодить Тюдорам? Вряд ли, царедворцем он, во всяком случае, не был. Скорее наоборот, дабы в образе коронованного деспота создать зеркало для столь же деспотичных Тюдоров.

Итак, в чем «убедила» современников и потомков «История» Мора? Прежде всего согласно Мору, Ричард еще при жизни своего царствующего брата, Эдуарда IV, задумал любой ценой завладеть короной. Отсюда вытекала необходимость наделять Ричарда чертами человека, способного двигаться к цели окольными путями, мастера тонкой интриги, теми чертами, которыми Генрих VII был наделен в гораздо большей мере. Однако только такая «концепция» Ричарда позволяла уверовать в то, что это его интрига при дворе Эдуарда IV привела к гибели брата Кларенса. Далее, Ричард вознамерился короновать самого себя тотчас же после получения известия о смерти Эдуарда IV. С этим связан весь рассказ о последующей судьбе его сыновей, в котором почти дословно повторена «Исповедь» Тирела. И хотя Мор призывает читателя уверовать в истинность этой версии, он завершает свой рассказ многозначительным замечанием: «Однако некоторые сомневаются в том, были ли принцы убиты в дни Ричарда или нет».

Итак, мы вернулись к исходному пункту нашего рассказа. Здесь представляется уместным задаться вопросом: что же в исторической традиции, связанной с именем Ричарда III, принадлежит самому Шекспиру, создателю этого истинного художественного исторического аналога знаменитого «государя» Макиавелли? В чем заключается сила воздействия на читателя и зрителя «Ричарда III»? Непревзойденная сила шекспировского творения в том и состоит, что в нем нашла свое выражение философско-историческая концепция Шекспира, концепция, в центре внимания которой оказалась проблема власти и народа. Истинная трагедийность образа Ричарда заключена вовсе не в превратностях его личной судьбы, а в том, что за ним просматривалась судьба народа и страны. Уже сама по себе обрисовка деспота в качестве нравственного и физического урода содержала в себе приговор всякой форме тирании — власти, основанной не на законе, а на грубой силе («Кулак — нам совесть, и закон нам — меч!» — возглашает Ричард III). Имению этот, по сути, тираноборческий план хроники Шекспира долгие столетия привлекал и поныне продолжает привлекать к ней умы и сердца всех, кто ненавидит произвол и гнет и борется за право народов управлять своей судьбой.

ВМЕСТО ФИНАЛА

В 1674 г. рабочие, занятые на земляных работах в Тауэре, на глубине 10 футов, под фундаментом лестницы, ведущей в королевские апартаменты, нашли человеческие кости; они были сброшены в кучу и пролежали там, пока слух не дошел до короля Карла II, приказавшего сложить их в мраморный гроб как «предполагаемые останки двух принцев» и захоронить их в Вестминстерском аббатстве. Это распоряжение было выполнено только через четыре года. В 1933 г. после долгих просьб общественности и под сильным национальным давлением монастырь разрешил вскрыть саркофаг. Останки были осмотрены медиком, профессором Райтом. По его заключению обнаруженные кости принадлежали двум детям (вероятнее всего, мальчикам) приблизительно $12\frac{1}{2}$ и 10 лет. По некоторым признакам Райт считал возможным заключить, что дети находились в родстве. Это заключение было принято научной историографией как окончательное доказательство в пользу тюдоровской версии о судьбе принцев. Однако историки, выступающие за всесторонний пересмотр этой традиции, находят аргументы в пользу гипотетического характера и «найденных костей», и самого заключения Райта, который, по их мнению, не столько «видел», сколько «помнил». Во всяком случае, тот факт, что их нашли под лестницей, которая фигурирует в «Исповеди» Тирела, бросает тень на всю эту историю. Ибо будь они там в дни Генриха VII, то почему он немедленно, после получения «Исповеди» не приказал перерыть фундаменты всех лестниц Тауэра, чтобы их найти? Важность этих останков для судьбы династии была слишком велика, чтобы предпринять соответствующие поиски. Вместо этого была создана версия, согласно

которой некий загадочный священник после смерти Ричарда на свой страх и риск раскопал останки принцев и захоронил в неизвестном месте. Из всей этой истории одно следует с несомненностью: представить исторического Ричарда «ангелом» никому и никогда, по-видимому, не удастся, он просто был сыном своего века и, очевидно, незаурядным его сыном.

Но может быть самое важное наблюдение заключается в том, что научный анализ ни в коем случае не может ограничиваться тем, что в источнике упомянуто, фиксирано явно; еще большее значение имеет то, что в источнике фиксировано неявно, но не менее красноречиво. Столкновение указанных двух планов содержания источников дает нам ключ к пониманию не только драмы, разыгравшейся между поступками героев и их обоснованием, но и между тем, что эпоха нам сообщает и тем, что она в действительности желала нам сообщить.

